

Статистика и идеология в СССР

О.Б.Шейнин

1. Введение

1.1. В.И.Ленин. В дореволюционной России региональная экономика (особенно сельское хозяйство) изучалась земскими статистиками. Они полагали, что крестьянство представляло собой единое сословие, тогда как Ленин [1] выделял в нем кулаков, середняков и бедняков. Соответственно с этим, статистика в СССР была объявлена социальной дисциплиной. Никто не вспоминал, что по крайней мере со второй половины XIX века статистики считали себя обязанными изучать собранные материалы и выявлять в них закономерности и группировки, т.е. играть активную роль в социологии. И уж конечно советские специалисты не заметили у вождя ни «вводящего в заблуждение применения средних», ни «тенденциозного применения статистики» [2, с.84 – 85 и 78].

Философские взгляды Ленина [3, с.190 и 274] также косвенно повредили статистике. Он назвал К.Пирсона «добросовестным и честным врагом материализма» и «одним из самых последовательных и ясных махистов», и советские статистики с порога отвергли статистические исследования английского ученого. О стремлении А.А.Чупрова [4, с.224] объединить континентальную школу статистики с английской биометрией не вспоминали.

1.2. Несколько спокойных лет. Впрочем, несколько лет российские/советские статистики могли работать так же как и до 1917 г. С.С.Жаркович заключил, что в начале 1930-х годов российская статистика находилась «наравне с лучшими в других странах» [5, с.336] и С.Котц [6, с.134] согласился с этим мнением. Н.Ясный заявил, что «в годы НЭПа государственная статистика (СССР - *О.Ш.*) достигла высокого уровня и заняла почетное положение, — только затем, чтобы быть обращенной в рабство» [7, с.1].

Фактически счастливый период закончился в 1927 г. (см. п.2.1), притом до 1922 г. положение было очень тяжелым. Не существовало даже важнейших статистических данных, а 33 статистика из числа мобилизованных для проведения местных переписей погибло [8, с.358]. Более того, статистики часто сталкивались с «непреодолимыми трудностями, вызванными прогрессирующей разрухой...» [8].

1.3. Утопия. С 1927 г. начало ощущаться приближение «года великого перелома» с выкорчевыванием кулачества и потерями для страны в целом. «Уровень открытости и гласности» в статистике заметно понизился, а научная критика переродилась в опасные политические обвинения [9, с.53], и многие статистики были репрессированы. В некоторых важных областях статистические исследования были просто запрещены. Зачем изучать преступность, ведь она скоро исчезнет. Проституция? Ее вообще больше нет [10]. Наркомания? Признана сквозь зубы с опозданием на несколько десятилетий.

Да и в «открытых» областях статистика стала ненадежной. Приписки в промышленности стали повсеместным явлением, а массовые манипуляции со стоимостью оторвали финансовые отчеты от физических показателей выпуска

продукции (В.Селюнин и Г.Ханин [11, с.188]). Эти же авторы сообщают, что уже в 1926 г. (ср. п.1.2) Ф.Э.Дзержинский [12] в качестве председателя ВСНХ назвал цифры промышленной статистики «фантастическими»¹. Что уж говорить о дальнейших событиях.

В 1952 г. урожай зерновых составил по официальным данным 130 млн. тонн, фактически же, как позднее указал Н.С.Хрущев, на 33% меньше. В.Н.Старовский (13, с.13] разъяснил, что учитывался лишь биологический урожай². «Обширная достоверная статистика была не нужна, более того, — опасна», заявил впоследствии А.Орлов [15, с.67]. Он продолжил: не требовалось ни изучать рынок, ни повышать качество товаров, ни внедрять современные статистические методы, — ибо все статистические исследования были монополизированы. К тому же, официальная идеология препятствовала правильному пониманию роли случайности (ср. п. 4.1 и п.6). В конце-концов появилось даже предложение [16] подчинить статистическую службу Верховному Совету, который, однако, не имел никакой реальной власти. Состояние статистики привело к тому, что важнейшие государственные задачи не только не решались, но порой и не осознавались (см. п.5 и 6). Свежие мысли стали достоянием гласности с 1989 г., (см., например, дискуссию о статистике и перестройке в журнале «Экономика и математические методы» №5 за 1989 год).

1.4. Математическая статистика. В 1948 или в 1949 г. У.Феллер в частном письме заявил, что «в России практически нет статистики; удивительно, что страна, столь сильная в теории вероятностей, не внесла практически никакого вклада в математическую статистику. Очевидно, что политический климат (там. — *О.Ш.*) весьма неблагоприятен для этого типа приложений (теории вероятностей. — *О.Ш.*)» [17, с.170].

Мнение Феллера было не совсем верно. Советской школы математической статистики действительно не было, но В.И.Романовский продолжал чупровскую традицию объединения двух направлений статистики (см. п.1.1), хотя ему и пришлось в 1948 г. покаяться в своих прегрешениях (см. п.2.3)³. Вообще же о советских достижениях того времени можно судить по учебнику Б.В.Гнеденко [18, гл.11]. Примечательно, однако, что автор очень скупно упомянул зарубежных математиков и что лишь один из его примеров касался приложения статистики, притом всего лишь безобидного статистического контроля качества продукции. В последующих изданиях своей книги Гнеденко по сути не изменил этой главы.

2. Вредители

2.1. А.А.Чупров и его ученики. Незадолго до октября 1917 г. крупнейший русский статистик А.А.Чупров выехал на несколько месяцев из страны, но так и не вернулся. По крайней мере трое из его бывших учеников (наряду с десятками, если не сотнями других статистиков) были репрессированы. Н.С.Четвериков провел четыре года в заключении (видимо, в 1931—1935 гг.), а в 1937 или 1938 г. был вновь репрессирован [19]. В.И.Хотимский «математически очень талантливый и политически весьма левый» (О.Андерсон [20, с.295])

был арестован в 1937 г. «и вскоре его не стало» [21, с.132]. Б.И.Карпенко был арестован в 1938 г. и пробыл в ссылке до 1943 г. [22]. А вот свидетельство того же Андерсона, также ученика Чупрова, эмигрировавшего в 1920 г.: «я мог бы перечислить целый ряд раннее весьма ценимых в России статистиков и многих подававших надежды более молодых учеников... Чупрова, чьи имена после 1930 г. внезапно полностью исчезли из советско-российской научной литературы» [20, с.294].

Сравним это высказывание с более ранними словами самого Чупрова: «выдающиеся статистические силы, ...среди которых я нахожу некоторых из своих лучших учеников, связаны с ним (Центральным статистическим управлением России; далее, ЦСУ. - *О.Ш.*)» [8, с.358].

2.2. Вакханалия. Бывшие земские статистики (например, В.Г.Громан, см. ниже) оказались идеологически сомнительными⁴ и вряд ли можно сомневаться в том, что многие из них попали в число внезапно исчезнувших (см. п.2.1). Разгромлена была и группа самых выдающихся экономистов Конъюнктурного института, вплотную соприкасавшихся со статистикой. Еще в 1926 г. директор этого учреждения Н.Д.Кондратьев предложил А.А.Чупрову вернуться на родину, обещав ему работу в своем Институте. Это приглашение передал Чупрову Н.С.Четвериков, помощник Кондратьева. В своем письме он указал, что «никакого малейшего насилия над исследовательской совестью нет» и что сотрудники института «от всей души работают над самыми мучительными подчас заданиями» [25, с.16].

Чупров, однако, был уже серьезно болен (а может быть и не успел получить это сообщение). Воспользуйся он приглашением Кондратьева, он бы наверное погиб как многие другие выдающиеся ученые. Сам Четвериков предупреждал Чупрова, что обстановка в стране не совсем ясна. И действительно: Кондратьева вскоре вытеснили из науки, арестовали (1931), а затем и расстреляли (1938) [26].

К концу 1920-х годов подросло новое поколение статистиков. Многие из них имели лишь смутное представление о своем деле, но все они неукоснительно следовали линии партии и изо всех сил выискивали «вредителей». Открывая конференцию о «плановом вредительстве», преследовательница «буржуазной статистики» Мария Натановна Смит-Фалькнер (Смит) заявила, что старые специалисты вредительствовали, поскольку новые кадры еще не окрепли. В своем заключительном слове она призвала присутствующих «сделаться ОГПУ научной мысли в области статистики и в ее применении к планированию» [27, с.168]⁵.

Другим идейным сторонником ОГПУ был Б.С.Ястремский [27, с.153]. Заслуженно (и даже недостаточно) критикуя уже арестованного В.Г.Громана, бывшего председателя Госплана⁶, он также заявил, что «дело было не только в методологии». Неудивительно, что Ястремский упомянул и Д.Ф.Егорова, оставив, кажется, самое подробное свидетельство крамолы этого выдающегося математика:

«Мне недавно пришлось слушать на заседании Совета института математики и механики речь проф. Егорова, тогда еще не разоблаченного вредителя. Он выступал со своего рода программной речью и так горячо, со слезой даже в

голосе, сказал: «что вы там толкуете о вредительстве... худших вредителей чем вы, товарищи, нет, ибо вы своей пропагандой марксизма стандартизируете мышление...» [27, с.153].

Но наибольшую прыть высказали авторы первого (притом элементарного) советского учебника по статистике. В своем предисловии они объявили математику служанкой буржуазной науки и назвали Н.Д.Кондратьева и других арестованных экономистов лакеями буржуазии и французскими шпионами [30, 2-е изд., 1931]⁷.

2.3. Не математика, а политэкономия. Итак, не математика, а марксистская политэкономия должна быть основой статистики. Так прямо и заявил Л.Бранд [32, с.234] и многие авторы (см., например, [33, с.11—16]) перепевали это утверждение вплоть до середины 1970-х годов, а его рецидивы встречались еще совсем недавно [34, с.36]. И еще до Бранда А.Я.Боярский с соавторами заявил, что роль статистики «сводится лишь к измерению закономерностей, раскрытых специфическим анализом данной дисциплины» (марксистским анализом. — *О.Ш.*) [30, 1-е изд., 1930, с.4].

Аналогичные мысли высказали В.Н.Старовский [35, с.280] и (через полсотни лет!) М.Р.Эйдельман [36]. В.И.Хотимский, который, правда, отметил, что «нельзя больше терпеть невероятную неграмотность... экономистов и обществоведов в области математики»⁸, был, кажется, того же мнения: «Буржуазная экономическая наука широко использует математическую трактовку для придания видимости доброкачественной науки своим лжетеориям» [27, с.149]. Чего же тогда можно было ожидать от М.Смит? Вот ее откровения: математическая статистика не может быть основой экономической статистики ибо требуется еще предварительный качественный анализ, а теория вероятностей неспособна описывать массовые общественные процессы, поскольку она исходит из понятия равновероятности, которой в плановом обществе не существует [37, с.218—222]⁹. Далее следовало ее вульгарнейшее утверждение: система кривых Пирсона неприемлема, главным образом потому, что в ее основе «лежит фетишизм числа и... классификация их построена только математически. Хотя Пирсон не так свирепо хочет подчинить весь реальный мир одной единой кривой распределения, как это делал... Гаус (Так в тексте. — *О.Ш.*)... но его система покоится все же только на математической базе, на которой вообще нельзя изучать конкретный мир» [37, с.227—228].

В 1939 г. ее избрали членом-корреспондентом АН СССР. Особую неприязнь вызывала чисто математическая теория устойчивости статистических рядов, среди основных авторов которой были В.И.Борткевич, А.А.Марков и А.А.Чупров. Боярский и др. заявили по этому поводу, что «сознание полной беспомощности заставило буржуазных ученых искать опасения в применении математических методов» [30, 1-е изд., 1930, с.4—5], ср. выше¹⁰.

В.Н.Старовский высказался еще резче: теоретики буржуазной статистики (к которым он приплел и Чупрова) пытались-мол доказать незыблемость и неизменность капитализма и устойчивость его законов [35, с.280]¹¹. Много позднее он упомянул «антинаучную сущность» теорий В.Лексиса и Пирсона [40, с.15]. Аналогичную позицию занимал Л.Бранд [32, с.234], который заявил,

что «вредители» продолжали дело таких «типичных идеологов буржуазии» как И.П.Зюссмильх и А.Кетле.

В 1948 г. преследование буржуазной идеологии, а заодно и англо-американской школы математической статистики возобновилось в ходе кампании против «космополитизма». Тогда же конференция по этой дисциплине осудила факты «раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной», с тревогой отметила, что «иногда пропагандировались и применялись методы буржуазной статистики» и с удовлетворением приняла к сведению, что В.И.Романовский признал «идеологические ошибки, допущенные им в некоторых ранних работах» [41, с.314]¹².

Математические или даже чисто статистические исследования экономических проблем отвергались, если их результаты не соответствовали партийным установкам. Вот два примера, снова из 1930-х годов.

1. А.Я.Боярский [27, с.160] раскритиковал выводы В.Базарова (В.А.Руднева), избощенного «врага народа». Базаров составил и решил дифференциальное уравнение, описывающее рост национального промышленного производства. Частные решения этого уравнения асимптотически приближались к «горизонтальным» прямым и Боярскому следовало либо согласиться с тем, что промышленный рост замедлится, либо проверить предпосылки Базарова. Вместо этого он заявил, что тот подготавливал «капиталистическую реставрацию». Кроме того, приведенный Боярским график одного из частных решений не соответствовал его аналитическому выражению, а утверждение Боярского [27, с.163] о том, что прямая относится к «линиям с затухающим темпом», непонятно.

2. В 1935 г. ЦК ВКП(б) постановил [43], что статистические нормы выработки в промышленности тормозят технический прогресс. А как же иначе? Ведь стахановцы начали в то время многократно перекрывать нормы. Неясно, впрочем, почему технический персонал не замечал громадных резервов; и как случилось, что великие достижения не нарушили экономических балансов?

Отказ от статистически обоснованных норм означал, что и вообще понятие средней выработки теряло смысл, — и так оно и было заявлено [39, с.120]. Это и подобные высказывания [44, с.113] фактически обосновывали волюнтаризм в планировании. Тезис о подчиненном положении статистики вовсе не был общепризнанным. Еще в первой половине XIX в. [45, с.29—31] некоторые статистики (Т.Ф.Степанов, 1831; К.С.Веселовский, 1847) полагали, что она равноправна с политэкономией, а И.И.Срезневский (1839) заявил, что статистика может сосуществовать самостоятельно.

В 1926 г. Н.Осинский¹³ выступил против того, чтобы статистика подтверждала «предустановленные политические выводы» [9, с.54; точная ссылка отсутствует. — *О.Ш.*], а С.Г.Струмилин заявил, что она не должна втискиваться «в теснейшие рамки политэкономии» [46, с.42; 47], что статистика не совпадает с ней и не должна ей подчиняться [48, с.118 и 120]. Аналогичные мысли высказал В.С.Немчинов [49, с.105—106]. Неудивительно, что подобным высказываниям был дан решительный отпор (см. п.4.1).

2.4. «Вредительская» перепись. Первые национальные переписи в России/СССР после 1917 г. были проведены в 1920 и 1926 гг. Следующую (1937 г.), однако, признали неудовлетворительной и повторили в 1939 г. Описывая этот эпизод, В.К.Воблый и П.И.Пустоход заявили, что враги народа «сорвали» перепись [50, с.128—130]. Большое количество населения не было учтено (как они утверждали), поскольку выпущенная в свет памятка для счетчиков оказалась негодной, а социальный и профессиональный состав населения был «искажен» по той же причине.

Официально было заявлено, что перепись прошла «с грубейшими нарушениями элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций» и что СНК Союза ССР «признал организацию переписи неудовлетворительной, а самые материалы переписи дефектными» [51].

Фактически дело обстояло совсем иначе [52; 53]. Во-первых, перепись была назначена на 1933 г., но неоднократно откладывалась: вместо быстрого роста населения, который должен был сопровождать построение социализма, произошла демографическая катастрофа. В середине 1936 г., в попытке спасти положение, были запрещены аборты [54]. Во-вторых, программу переписи и метод ее проведения разрабатывали в ЦК партии и наиболее важные решения принимал Сталин, статистики же едва успели проинструктировать счетчиков. И все же лишь 0,3—0,4% населения оказались неучтенными, но насчитали-то всего 162 млн. человек вместо «требовавшихся» 170—172 млн.

Разумеется, все дело было в происках «вредителей». Государственная статистическая служба была разгромлена, и одной из жертв оказался Л.Бранд (Брандгендлер). Перечислив нескольких статистиков, включая его, но не упомянув переписи, А.Лозовой [39, с.117] назвал их врагами народа¹⁴.

В 1930 г. при Академии наук был учрежден Демографический институт, но в 1934 г. его расформировали. Обосновывая свое второе решение, Президиум АН СССР указал, что «попытки внести в работу ДИН моменты социально-экономические не удалась...» [55, с.98]. В Институте работали крупные демографы С.А.Новосельский и В.В.Паевский. Директором ДИН был И.М.Виноградов, который, кажется, не внес никакого вклада в демографию.

3. Учет

В конце 1920-х годов статистики уверовали, что теория их науки «перерастает в народно-хозяйственный учет» [32, с.236]. Не упоминая, правда, учета, Смит вообще высказалась против статистики: «старая теория статистики есть вообще теория колебания случайных величин¹⁵, ...эта теория... есть великолепнейшее отражение анархического капитализма и его хозяйства, ...статистики, сознательно вредительствуя в планировании, воспользовались этим орудием» [27, с.143]. Основным сторонником новой точки зрения оказался Н.Осинский: «рыночная стихия вытесняется деятельностью организаций, прямо подчиненных плановому руководству. ...статистический метод начинает отступать перед методом прямого учета» [56, с.6—7]. Он, правда, добавил, хоть и без должного

пояснения, что статистика все же продолжает играть определенную роль и определил ее как науку «о методах качественно-количественного изучения планируемых и регулируемых процессов». Понять эту фразу трудно, особенно в связи с его же одновременным (1932 г.) утверждением, что народно-хозяйственный учет есть «качественно-количественный охват сознательно намечаемых действий и их результатов» [56, с.81—82; 57]¹⁶.

Мнение Осинского признавалось в течение нескольких лет [35, с.282]. Затем, однако, все изменилось: А.Лозовой упомянул «вредительский тезис об отмирании статистики» [39, с.118], а В.Н.Старовский впоследствии указал, что эту «ультралевую» теорию впервые выдвинул академик [Уже не враг народа! — *О.Ш.*] Осинский [40, с.16].

Несмотря на изменившуюся официальную точку зрения, ЦСУ, преобразованное в 1930 г. в Центральное управление народно-хозяйственного учета, было восстановлено лишь в 1948 г. [13, с.9—10]. Ведущий профилирующий журнал «Вестник статистики» не выходил в течение 1930—1948 гг., и только незначительное количество статистических статей появилось в те годы в «Плановом хозяйстве».

Как бы то ни было, учет, т.е. сводка первичных данных, а не мистический «качественно-количественный охват» не смог обеспечить надежной информации. Даже статистика, т.е. сводка и изучение данных, оказывалась негодной (см. п.1.3). Более того, советская статистика все-таки в основном сводилась к сплошному учету [15, с.67].

4. Официальное положение статистики

4.1. Конференция. В 1954 г. в Москве состоялась конференция по проблемам статистики, организованная Академией наук, Министерством высшего образования и ЦСУ [59], см. также [б], а в порядке ее подготовки ряд статей был опубликован в 1952—1954 гг. в «Вестнике статистики» и «Вопросах экономики».

Некоторые участники конференции высказали трезвые мысли. Так, М.В.Птуха заявил, что статистика «не носит характера подчиненности по отношению к другим наукам» [59, с.44], а С.Г.Струмилин утверждал, что она «является самостоятельной наукой» [59, с.41]¹⁷. В основном, однако, провозглашалось противоположное: «только революционная марксистская теория явилась прочной базой для развития статистики как общественной науки» (А.М.Вострикова, [59, с.41]); статистика не изучает массовых случайных явлений (В.А.Соболь, [59, с.61]), которые вообще не обладают никакими особыми закономерностями (С.П.Партигул, [59, с.74]); теория устойчивости это буржуазная теория и даже честные представители «буржуазной статистики» вынуждены фальсифицировать действительность (М.Н.Смит, [59, с.46]).

Особо выделим руководящее указание вице-президента АН СССР К.В.Островитянова: «Ленин целиком и полностью подчинил [статистические приемы. — *О.Ш.*] задаче классового анализа деревни (правильнее: приспособлял к задаче. — *О.Ш.*)» [59, с.82]. И далее: «нельзя полагать, что при изучении

группировок звезд и экономических группировок «применяются одни и те же приемы исследования»¹⁸.

Итак, статистика должна была количественно описывать предустановленные марксистские положения (ср. п.2.3) и можно напомнить, что в XVIII в. (И.П.Зюссмильх) на статистику возлагалась несравненно более важная задача, — выявлять неизвестные божественные законы в движении населения.

Конференция оказалась полезной для подчинения статистиков официальным установкам. Так, В.Н.Старовский заявил, что она помогла «внести ясность» во многие вопросы [13, с.13], и что за ней последовала дружная работа (или застой?. — *О.Ш.*) [61, с.162]. Другие авторы заметили, что большинство статистиков (все еще. — *О.Ш.*) придерживалось принятого на конференции определения статистики [33, с.9]. Вот оно: Статистика — самостоятельная (Как бы ни так! — *О.Ш.*) общественная наука. Она изучает количественную сторону массовых общественных явлений в неразрывной связи с их качественной стороной [33, с. 87]¹⁹. До наших дней это определение не дожило. Уже А.Орлов заявил, что отвергает решения конференции [15, с.69]²⁰, которые, как оказывается, были компромиссом между ликвидаторами своей науки, полагавшими необходимым лишь уточнять предустановленные установки, с прогрессивными статистиками, и в первую очередь с В.С.Немчиновым [64, с.20].

4.2. Выступление А.Н.Колмогорова. На конференции выступил и Колмогоров. Он заявил, что необходимо «дать резкий отпор... проявлениям того злоупотребления математикой при изучении общественных явлений, которое столь характерно для буржуазной науки». В частности, продолжил Колмогоров, представители этой науки «без всяких оснований» пользуются гипотезами стационарности и устойчивости временных рядов [59, с.47] (см. п.5.1).

Он также не согласился с концепцией существования, кроме математической статистики и статистики как социально-экономической науки, еще какой-то не математической и тем не менее универсальной «общей» теории статистики, по существу сводящейся к математической статистике и к некоторым техническим приемам собирания и обработки статистических данных [59]²¹. Наконец, Колмогоров перечислил области существенного приложения статистики [65], т.е., вопреки мнению некоторых специалистов, подчеркнул значение массовых случайных явлений в условиях планового хозяйства (ср. п.4.1)²².

4.3. Притязания и реальность. Задолго до конференции советские статистики неизбежно заключили, что «их» наука «самая передовая в мире» [68, с.71], что «только в условиях советского государственного и общественного строя могла быть создана действительно научная статистика» (А.Я.Боярский и Л.Цырлин [69, с.75])²³. Естественно, что подобные высказывания продолжали появляться и в связи с конференцией, и после нее [33, с.11; 59, с.69; 70, с.43]. Взятые воедино, они напоминают вопли обезьяньей стаи из «Книги джунглей» Р.Киплинга: «Мы велики. Мы свободны. Мы замечательны. Мы самые замечательные создания во всех джунглях. Мы все говорим это, а потому это должно быть правдой».

Но вот трезвая оценка учебника, опубликованного в 1957 г. [71]: «его... читатели не смогут разобраться в работах по современной математической экономике или эконометрии» [20, с.297]. Добавим, что западные авторы остро кри-

тиковали если не «свою» статистику, то обществоведение в целом. С.Андрески заявил, что в этой науке «каждый может безответственно делать все, что угодно» [72, с.16] и объяснил это «повальным бюрократическим заболеванием», приведшим к «безопасной посредственности» [72, с.194].

Цитируя своего предшественника Е.Шаргафа, К.Трусделл заметил, что «всюду, где денег куры не клюют, самопроизвольно зарождаются шарлатаны» [73, с.117]. Он назвал современное обществоведение «плебсонаукой» и предупредил, что следующей и заключительной его стадией окажется «пролетарская» наука, «убаюкивающая пролетариат путем подтверждения всего того, во что будет приказано верить». Жаль, что он не был знаком с советской статистикой!

5. Эконометрия

5.1. Неудачные начинания. Злоупотребление математикой действительно имело место за рубежом и вот примечательный пример к тезису А.Н.Колмогорова (см. п.4.2), относящийся, правда, к концу 1920-х годов. Гарвардская школа политэкономии, которая чисто эмпирически прогнозировала экономические показатели, не смогла предвидеть кризис 1929-1933 гг. Справедливо указав на это, В.И.Хотимский [27, с.145-146] забыл добавить, что и советские специалисты, вооруженные истинной экономической теорией, оказались столь же беспомощными. Лишь Н.Д.Кондратьев (см. п.2.2) в 1923 г. нарисовал частично верную картину надвигающихся событий. Но лет через 20 эмпирическую экстраполяцию статистических рядов заменило исследование экономических моделей, т.е. эконометрия.

Неудача, хотя и в другом смысле, постигла В.И.Борткевича, который в 1910—1911 гг. предпринял «одинокую попытку разработать марксистскую эконометрию (! — *О.Ш.*)». Его «сухая манера изложения не позволила марксистам (за исключением Климпта) (Точная ссылка отсутствует. - *О. Ш.*) воспринять его метод» [74, с.26 и 25]²⁴.

Советские ученые наверняка повторили бы подобные попытки, однако идеологические новшества безусловно запрещались. Даже юбилейное русское издание 1-го тома «Капитала» (1967 г.) содержало лишь библиографические комментарии.

5.2. Трудный путь. Первая попытка внедрить уже существовавшую за рубежом эконометрию в советскую науку принадлежит В.С.Немчинову, но его усилия расценили как стремление перенести в страну «архибуржуазную» школу [66, с.82]. Уже в 1959 г. была все же созвана конференция, чтобы определить отношение к этому новому направлению [76]. Подчиняясь духу времени, ее участники единодушно признали, что в экономике следует шире применять математические методы, однако и основной докладчик, А.Я.Боярский, и несколько других статистиков отказались считать эконометрию отдельной дисциплиной. Ее предмет, — заявил Боярский [76, с.55], — все же относится к политэкономии, которая якобы не ограничивается «чисто качественными суждениями» [76, с.57]. Он также указал, что марксизм не будет меняться качественно [76, с.57], но, конечно же, не назвал его застывшим учением.

А.Х.Карапетян утверждал, что буржуазные эконометристы стоят на позициях «вульгарной» (Читай: немарксистской. — *О.Ш.*) политэкономии [76, с.61], а Ю.А.Кронрод [76] обвинил Л.В.Канторовича (очевидно имея в виду книгу [77]) в уклонении от марксизма. Канторович основывал свои выводы на «объективно обусловленных оценках», подчеркивая, как заметил В.С.Немчинов [78, с.8], их близость к рыночным ценам.

Следующая подобная конференция, теперь уже с участием ведущих ученых, прошла в 1960 г. [79; 80]. На ней были заслушаны доклады Немчинова, Канторовича и В.В.Новожилова. Немчинов обсуждал, например, минимизацию капиталовложений, необходимых для достижения некоторой цели; Канторович заявил, что нужны новые методы планирования, новые экономические и статистические показатели и дальнейшие исследования в экономике, статистике и математике. А.Н.Колмогоров, который выступил в прениях, даже указал, что совместная работа экономистов и математиков должна привести к существенно новой стадии самой экономической теории (т.е. политэкономии! — *О.Ш.*) [79, с.254]. Он продолжал: экономике, видимо, придется уточнить многие свои формулировки и понятия в свете тех требований, которые поставит перед ней приложение математики²⁵.

Вскоре последовало некоторое движение. В 1963 г. был учрежден Центральный экономико-математический институт, а в 1965 г. все три докладчика конференции 1960 г. были удостоены Ленинской премии (Немчинов — посмертно) за научную разработку метода линейного программирования и экономических моделей [82]²⁶.

Мы, однако, сомневаемся в том, что был достигнут существенный прогресс. Во-первых, политические соображения всегда ставились выше экономических доводов; во-вторых, вряд ли имелись надежные статистические данные (см. п.1.3); в-третьих, экономисты не были готовы пересмотреть свое патологически подозрительное отношение к математике (см. п.2.3) и продолжали обвинять эконометристов в отказе от марксизма [83]. Они также фактически отказывались признать статистику независимой научной дисциплиной (ср. п.4.1) и оказались беспомощными перед лицом новых возможностей и требований. Вот четкий вывод Канторовича:

«На 42-м году существования социалистического государства нашей экономической науке не известно отчетливо, что означает закон стоимости в социалистическом обществе и как он должен применяться, что такое социалистическая рента, должно ли вообще строиться исчисление эффективности капиталовложений и каким именно образом. Как последнее открытие в области экономики нам преподносится, например, что "закон стоимости не действует, а только воздействует" или что "средства производства — не просто товар, а товар особого рода" и т.д.» [84, с.60].

Но что там Канторович! И что Колмогоров, если есть Мария Смит: «В полном бессилии стоят адепты буржуазной политэкономии перед страшной для них действительностью. В противоположность им сила и жизненность экономических учений Маркса и Ленина именно и состоит (состоят. — *О.Ш.*) в глубочайшем проникновении в сущность законов, управляющих экономическим развитием человеческого общества» [85, с.294]. Святая простота!

6. Генетика

К 1935 г. СССР стал «ведущим центром исследований по менделизму и был признан таковым во всем мире» [86, с.5], но с 1939 г. развитие советской генетики затормозилось, а в 1948 г. она была разгромлена. Н.И.Вавилов, самый выдающийся советский генетик, начал подвергаться преследованиям с 1935 г., когда генетику стали называть идеалистической наукой, противоречащей диалектическому материализму [87]. В 1939 г. редакция журнала «Под знаменем марксизма» организовала конференцию по генетике и селекции (см. его выпуски №10 и №11 за 1939 г.) и Вавилов был на ней вежливо, но резко раскритикован. В 1940 г. его арестовали и в 1943 г. он умер в заключении [87, с.511].

Окончательный разгром генетики произошел в 1948 г.²⁷ на Всесоюзной конференции с участием высокопоставленных специалистов (в основном противников генетики). Главным гонителем этой науки был Т.Д.Лысенко. Вот его утверждение о теории вероятностей: «Не будучи в состоянии вскрыть закономерности живой природы, морганисты вынуждены прибегать к теории вероятности (! — *О.Ш.*), физика и химия освободились от случайностей. Поэтому они стали точными науками..., наука — враг случайностей» [89, с.520; 90]²⁸.

Травля генетиков не осталась без внимания за рубежом [92; 93]. Дж.Гексли предположил в этой связи, что советские вожди не признавали случайности ни в идеологии, ни в естествознании [17, с.82]. А вот резкое утверждение крупнейшего статистика Р.А.Фишера: «под воздействием его (Лысенко. — *О.Ш.*) выпадов многие русские генетики, включая наиболее заслуженных, были убиты» [94, с.61]. И далее: «Награда, за которую он (Лысенко. — *О.Ш.*) так жадно хватается, это власть, власть для себя, власть, чтобы запугивать и убивать» [94].

Б.В.Гнеденко засвидетельствовал, что «некоторые горячие головы» начали послушно отрицать теорию вероятностей [95, с.7—8]. Он также пожурил А.Н.Колмогорова и других выдающихся математиков за их прежнюю поддержку менделизма и терпеливо истолковал невежественный тезис Лысенко о науке и случайности (не посмев ни назвать его по имени, ни прямо опровергнуть его мнение о физике).

На конференции 1948 г. выступил и В.С.Немчинов. Его неоднократно прерывали грубыми выкриками, но он все же сказал, что «хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки». И далее: «Я имею возможность эту теорию проверить с точки зрения... статистики. Она соответствует также моим представлениям» [90, с.472].

Неудивительно, что ему вскоре пришлось оставить свой пост директора Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева, отказаться в ней же от заведывания кафедрой статистики (64, с.19) и публично покаяться [49, с.104]. Более того, в 1948 г., упомянутая в п.2.3 конференция по математической статистике, «решительно осудила» Немчинова за его попытку (Точнее: готовность. — *О.Ш.*) статистически обосновать «реакционные вейсманистские теории» и за его выступление «с позиций махистской англо-американской школы, присваивающей статистике несвойственную ей роль арбитра, стоящего над другими науками» (Над догматами идеологии. — *О.Ш.*) [41, с.313].

Существенный вклад в генетику внес С.Н.Бернштейн [96, с.213—214], но в 1949 или 1950 гг. «математическое издательство» пересмотрело свое намерение выпустить в свет новое, пятое, издание его руководства по теории вероятностей, поскольку он «категорически отказался» исключить из него несколько страниц, посвященных менделизму²⁹. Одним из авторов некролога о С.Н.Бернштейне [96] был Б.В.Гнеденко, который таким образом выказал свою действительную точку зрения. Другой автор, А.Н.Колмогоров, в 1940 г. опубликовал статью [97], статистически подтверждающую законы Менделя. Легко понять, чего на самом деле стоила резолюция конференции по математической статистике 1948 г., на которой присутствовал Колмогоров!

В 1955 г., едва освободившись из заключения, В.П.Эфроимсон составил длинную записку [98] о деяниях Лысенко, наивно понадеявшись привлечь его к суду. Эфроимсон [98, №3, с.106—107] оценил ущерб, который Лысенко нанес стране внедрением своих новшеств, не прошедших никакой предварительной статистической проверки. Вот один только вывод этого автора: потеря зерна вплоть до 1955 г. составила 150 млн. тонн, притом дальнейшие потери оставались неизбежными по крайней мере еще 10 лет. Напомним (см. п.1.3), что биологический урожай зерновых в 1952 г. составлял 130 млн. тонн³⁰. Наконец, Эфроимсон заметил, не приведя, правда, никаких ссылок, что генетика была разгромлена и в нацистской Германии [98, №3, с.102].

Признательность. Данная статья является переработкой ее первоначального английского варианта, опубликованного в «Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik», редакция и издательство Lucius & Lucius которого любезно разрешили выпустить ее и на русском языке. Выдержки из выступления С.А.Яновской (см. п.2.2, прим.7) и сочинения Н.Осинского [56] (см. п.3) нам прислал А.Л.Дмитриев (Санкт-Петербург). Высказывание Ф.Энгельса (см. п.2.2, прим. 4) и мнение Яновской до нас описала Н.С.Ермолаева [24].

Примечания

¹ Воспользовавшись другим источником, мы нашли у Ф.Э.Дзержинского безжалостную критику (1926 г.) этой статистики [12].

² Биографические сведения о советских статистиках см. в [14]. Кроме того, статьи о А.Я.Боярском, В.С.Немчинове, Н.Осинском, М.Н.Смит-Фалькнер и В.Н.Старовером помещены в 3-м издании БСЭ, а в 1-м издании этого источника приведена биография В.Базарова.

³ Другим специалистам по теории вероятностей пришлось расплачиваться за свои исследования в области генетики (см. п.6).

⁴ Вспомним предвидение Ф.Энгельса [23]: «если в результате войны мы придем к власти преждевременно, то «техники» (На новоязе: спецы. - *О.Ш.*) окажутся нашими врагами и будут нас предавать; мы должны будем держать их в страхе и даже обманывать (*beschissen*)». Н.С.Ермолаева [24] процитировала два перевода последнего глагола на русский язык, но представляется, что оба они неверны. Впрочем, в любом случае смысл высказывания Энгельса ясен.

⁵ Через год Смит заметила, что «ряды арестованных вредителей полны статистиками» [28, 1931, с.4]. Ее собственный вклад в этот процесс вероятен, а стилистические заслуги несомненны. И все же, когда в анонимном доносе 1931 г. Боярский, Старовский, Хотимский и Ястремский были названы белополяками, то над этим обвинением лишь посмеялись, а вот в 1937 г. Хотимский был арестован по «столь же обоснованным наветам» [21, с.132] (см. также п.2.4). «Вредительство» было, конечно же, выявлено в каждой отрасли науки (см. Э.Кольман [29]). Курьезно, что он причислил Смит, наряду с настоящими учеными, к «школе распространявших идеалистические и механистические теории» в экономике [29, с.74].

⁶ Исходя из данных предыдущих лет, В.Г.Громан предсказывал урожайность зерновых, полагая ее случайной (зависящей от случайностей погоды). Его предсказание на 1929 г. каким-то образом сбылось, но следующая попытка, на 1930 г., оказалась негодной. Ястремский лишь заметил, что подобным образом можно было бы угадывать поведение любых случайных величин, но не указал, что их последующие значения принципиально непредсказуемы.

⁷ В этом учебнике упомянут «метафизик Лейбниц-Вольф» [30, 1936, с.27]! С.А.Яновская, впоследствии ученый с мировым именем, безудержно расхваливала первое издание книги А.Я. Боярского, Б.С.Ястремского, В.И.Хотимского, В.Н.Старовского [30]. Указанные авторы, — заявила она, — впервые «нащупали» как внедрить диалектический материализм в математическую статистику (и как, стало быть, противостоять «метафизику Лейбницу-Вольфу»). В плановом хозяйстве, — добавила С.А.Яновская, — метод теории вероятности (! — *О.Ш.*) недостаточен для обоснования этой дисциплины [31].

⁸ В том же духе косвенно высказался Л.Бранд [32, с.235].

⁹ Л.Бранд и В.Н.Старовский [38, с.191] защищали применение равновозможности (а потому и классического определения вероятности) в экономике. Они, однако, не упомянули статистической вероятности, которая в смысле закона больших чисел равносильна теоретической, а сослались на неубедительные косвенные высказывания Маркса, Энгельса и Ленина. Интересно, что А.Лозовой [39, с.118] независимо повторил нападки на равновозможность.

¹⁰ Они также решительно критиковали А.А.Курно и Р.Мизеса.

¹¹ Никто не хотел замечать, что со времени, когда Лексис начал исследовать устойчивость статистических рядов (1870-е годы), в капиталистическом обществе произошли существенные изменения.

¹² За год до этого А.Н.Колмогоров, который присутствовал на конференции, одобрительно отозвался о заслугах В.И.Романовского и, в частности, заметил, что тот являлся «первым пропагандистом этого большого течения (Т.е. работ английских статистиков. - *О.Ш.*) в СССР» [42, с.63].

¹³ Настоящая фамилия В.В.Оболенский. Он занимал ряд постов (в 1926—1928 гг. — начальник ЦСУ) и в 1935 г. был избран действительным членом АН СССР. Он был арестован в 1937 г. и погиб в 1938 г. [9]. По другим сведениям его арестовали в 1935 г. [11, с.190] и расстреляли [14].

¹⁴ При переписи 1939г. послушно насчитали 170,1 млн. человек, на 1,6% больше действительного числа [53].

¹⁵ Через несколько лет, забыв про «колебания», она начала поносить «буржуазную теорию устойчивости» статистических рядов (см. п.2.3).

¹⁶ Есть смысл сослаться на М.Дж.Кендалла, который четко, хотя и косвенно определяет различие между целями учета и статистики. Описывая Италию XV в., он писал: «Учет сводился к сплошному счету и все еще являлся главным образом регистрацией состояния [общества.— *О.Ш.*], а не основой для оценок или прогнозов в развивающейся экономике» [58].

¹⁷ В.Н.Старовский [59, с.50] ратовал за выборочный метод, который на родине А.А.Чупрова был почти забыт.

¹⁸ Островитянов одергивал одного из участников конференции, А.С.Мендельсона [59, с.57]. Он мог бы с таким же успехом назвать и Б.С.Ястремского [59, с.43] и А.Н.Колмогорова [59, с.47]! Впоследствии Островитянов несколько смягчил свои идеологические нападки [60].

¹⁹ Как тут не вспомнить Н.Осинского с его «качественно-количественными» изучениями и охватами (см. п.3)!

²⁰ Т.В.Рябушкин [62] повторил официальное определение, но затем изменил свою точку зрения: снова процитировав его, он заявил, что существует и иное определение, которое уже отрекалось от «неразрывной связи» и признавало близость статистики и математики [63].

²¹ Эта точка зрения не является общепризнанной. Многие западные математики-статистики называют свою дисциплину теорией статистики и не пользуются термином «математическая статистика».

²² Некоторые статистики высказали смехотворные мысли о случайности. С.Г.Струмилин [66, с.80] заявил, что реальные показатели уклоняются от плановых случайным образом, а А.Я.Боярский заметил, что возможны различные степени превышения плана [67, с.195—196]. О приписках они, видимо, слыхом не слыхали (см. п.1.3).

²³ Эти авторы также заявили, что буржуазная статистика сознательно приукрашивает показатели безработицы, безразлична к выявленной меньшей продолжительности жизни черного населения США сравнительно с белыми и т.д. В чужом глазу они увидели соломинку. Они кроме того кощунственно обвинили К.Пирсона в проповедывании расистских идей, «опередивших ведомство Геббельса» [68, с.74].

²⁴ К идеям эконометрии подошел Г.А.Фельдман (1884—1958), но он был репрессирован и, как кажется, ничего существенного в этом направлении не смог сделать [75]. Опять-таки, очень возможно, что Е.Е.Слущкий, который работал в Конъюнктурном институте, оказался бы зачинателем эконометрии в СССР, не будь это учреждение разгромлено (см. п.2.2).

²⁵ В другом отчете о конференции Колмогорову приписано следующее утверждение: «Основная, трудная но необходимая задача состоит в том, чтобы выразить желательное оптимальное состояние национальной экономики единым показателем» [81, с.44].

²⁶ В 1975 г. Канторович был награжден Нобелевской премией за разработку теории линейного программирования.

²⁷ Холодная война началась в 1947 г. Международные связи были грубо разорваны, и именно этим объяснялся выбор момента для расправы с генетиками [88, с.40].

²⁸ Некоторые авторы [91] опровергли это высказывание, но вряд ли кто-нибудь из них посмел прямо сослаться на Лысенко. Кедров [91, с.31] упомянул также редакционную статью из «Вопросов философии» (1948 г., №2), в которой случайность единичных событий справедливо связывалась с необходимостью в больших числах. Лысенко, чье выступление состоялось позже чем появилась эта статья, либо не читал ее, либо не захотел принять ее во внимание.

²⁹ Член-корреспондент АН СССР Л.Н.Большев сообщил мне в личной беседе, что отказ издательства последовал уже после появления корректуры нового издания книги.

³⁰ Невольно вспоминаются кукурузные опыты Н.С.Хрущева, также не обоснованные никакими экспериментами и также обошедшиеся в добрую копейку.

Список литературы

1. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. М., 1958. Т.3.
2. Kotz S., Seneta E. Lenin as a statistician // Journal of the Royal Statistical Society. 1990. Vol.A153. P.73–94.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т.18.
4. Чупров А.А. К теории стабильности статистических рядов // А.А. Чупров. О теории дисперсии / Составит. и перев.Н.С.Четвериков. М., 1968. С.138—224.
5. Zarkouic S.S. Note on the history of sampling methods in Russia // Journal of the Royal Statistical Society. 1956. Vol.A119. P.336–338.
6. Kotz S. Statistics in the USSR // Survey. 1965. Vol.57. P.132–141.
7. Jasny N. The Soviet 1956 statistical handbook: a commentary. East Lansing, USA, 1957.
8. Tschuprow A. Westnik Statistiki, 1920–1922 // Nordisk Statistisk Tidskrift. 1922. T.I. P.353-360.
9. Буханов А. Валериан Осинский // Вестник статистики. 1988. №9. С.50—55.
10. Горфин Д. Проституция // Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. 1940. Т.47. С.330-335.
11. Селюнин В., Хинин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. №2. С.181 – 201.
12. Дзержинский Ф.Э. Речь на пленуме ЦК РКП(б) 1926 г. // Избранные произведения. М., 1967. Т.2. С.50-65.
13. Старовский В.И. Развитие советской статистической науки и практики за 40 лет // Вестник статистики. 1958. №1. С.3–15.
14. Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики. М., 1993.

15. Орлов А. О перестройке статистической науки и ее применении // Вестник статистики. 1990. №1. С.65-71.
16. Дикалов С. Кому должна подчиняться статистика // Вестник статистики. 1990. №5. С.46-47.
17. Huxley J. Soviet genetics and world science. London, 1949.
18. Гнеденко Б.В. Курс теории вероятностей. И.-Л., 1950. Ряд последующих русских, немецких и английских изданий.
19. Аноним. Юбилейные и памятные даты // Вопросы статистики. 1995. №11. С.77.
20. Anderson O. Mathematik fuer marxistisch-leninistische Volkswirte // Jahrbuecher fur Nationaloekonomie und Statistik. 3.Folge. 1959. Bd.171. P.293-209.
21. Кальман Арношт (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982.
22. Карлик Е. Б.И.Карпенко // Вестник статистики. 1992. №8. С.37-39.
23. Энгельс Ф. Письмо А.Бebelю 24-26.10.1891 // F.Engels. Politisches Vermaechtnis. Berlin, 1920. S.26. (Также: K.Marx, F.Engels. Werke. Berlin, 1979. Bd.38. S.189.)
24. Ермолаева Н.С. О так называемом «Ленинградском математическом фронте» // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. №4. С.66-74.
25. Шейнин О.Ш. А.А.Чупров. Жизнь, творчество, переписка. М., 1990. (Авторский перевод: O.Sheynin. Aleksandr A. Chuprov: life, work, correspondence. Gottingen, 1996.)
26. Кондратьев Н.Д. Особое мнение. М., 1993. Т. 1-2.
27. Смит М. Плановое вредительство и статистическая теория // Плановое хозяйство. 1930. №10. С.139-168.
28. Смит М. Теория и практика советской статистики. М., 1930. 2-е изд. М.-Л., 1931.
(Добавлено предисловие: Статистика как орудие вредительства. С.4-9.)
29. Кальман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. №2. С.73-81.30.
30. Боярский Л. Я., Ястремский В.С., Хотимский В. И., Старовский В. И. Теория математической статистики. М., 1930. 2-е изд. М., 1931. (Ряд последующих изданий вышел под названием «Статистика».)
31. Яновская С.А. Выступление на заседании президиума Комакадемии (дек.1930-январь.1931) // За поворот на фронте естествознания. М.-Л., 1931. С. 38-39.
32. Бранд Л. Рецензия: Боярский А.Я., Ястремский В.С., Хотимский В. И., Старовский В.Н. Теория математической статистики. М., 1930. // Плановое хозяйство. 1931. №4. С.234-236.
33. Статистика / Под ред. С.Г.Струмилина. М., 1969.
34. Назаров М.О коренной перестройке социально-экономической статистики // Вестник статистики. 1990. №8. С.28-38.
35. Старовский В.Н. Экономическая статистика // Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. 1933. Т.63. С.279-283.
36. Эйдельман М.Р. Экономическая статистика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. 1978. Т.29. С.616.

37. *Смит М.* Против идеалистических и механистических теорий в теории советской статистики // Плановое хозяйство. 1934. №7. С.217—231.
38. *Бранд Л., Старовский В.Н.* По поводу статьи: *Смит М.* Против идеалистических и механистических теорий в теории советской статистики // Плановое хозяйство. 1935. №8. С.187—194.
39. *Лозовой А.* О последствиях вредительства в статистической науке // Большевик. 1938. №23. С.116—123.
40. *Старовский В.Н.* Советская статистическая наука и практика // История советской государственной статистики. М., 1960. С.4—21.
41. Резолюция // Второе Всесоюзное совещание по математической статистике. Ташкент, 1948. С.313-317.
42. *Колмогоров А.Н.* Роль русской науки в развитии теории вероятностей // Ученые записки МНУ. 1947. №91. С.53—64.
43. Резолюция декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Известия. 26 декабря 1935 г. С.1.
44. *Петров А.* Рецензия на курс общей теории статистики Л.В.Некраша // Плановое хозяйство. 1940. №5. С. 112-115.
45. *Плошко Б.Г.* Из истории учений о предмете статистики // Вестник статистики. 1964. №5. С.28-33.
46. *Струмилин С.Г.* К вопросу об определении статистики как науки // Вестник статистики. 1952. №1. С.42-50.
47. *Струмилин С.Г.* Статистико-экономические очерки. М., 1958.
48. *Струмилин С.Г.* К итогам статистической дискуссии // *С.Г.Струмилин.* Статистико-экономические очерки. М., 1958. С.118—129.
49. *Немчинов В.С.* Статистика как наука // Вопросы экономики. 1952. №10. С.100-116.
50. *Воблый В., Пустоход П.И.* Переписи населения. М. –Л., 1940.
51. О Всесоюзной переписи населения // Известия. 26 сентября 1937 г. С.2.
52. *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4. С.175-181.
53. *Волков А.* Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. №8. С.45-56.
54. Аноним. Аборт // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. 1949. Т.1. С.23-25.
55. *Типольт А.Н.* Из истории Демографического института АН СССР // Ученые записки по статистике. 1972. Т.20. С.72—99. (Советская статистика за полвека. Вып. 2-й.)
56. *Осинский Н.* Положение и задачи народно-хозяйственного учета. М.-Л., 1932.
57. *Струмилин С.Г.* Задачи и перспективы советской статистики // *С.Г.Струмилин.* Статистико-экономические очерки. М., 1958. С.69—94.
58. *Kendall M.G.* Where shall the history of statistics begin // *Biometrika.* 1960 Vol.47. P.447-449.
59. Аноним. Обзор научного совещания по вопросам статистики // Вестник статистики. 1954. №5. С.39—95.

60. *Островитянов К.В.* К итогам дискуссии по статистике // Вестник АН СССР. 1954. №8. С.3-12.
61. *Старовский В.Н.* Отчет // Всесоюзное совещание статистиков 1968 г. М., 1969. С.5-31, 159-163.
62. *Рябушкин Т.В.* Статистика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. 1976. Т 24, 1. С.437-439.
63. *Рябушкин Т.В.* Статистика // Экономическая энциклопедия. М., 1980. Т.4. Политическая экономия. С.42—43.
64. *Лифшиц Ф.Д.* В.С.Немчинов как статистик // *В.С.Немчинов.* Избранные произведения. М., 1967. Т.2. С.5-22.
65. Аноним. О роли закона больших чисел в статистике // Ученые записки по статистике. 1955. Т. 1.С. 153—165. (О выступлении А.Н.Колмогорова см. с. 156—158.)
66. Аноним. О теоретической работе в области статистики // Вопросы экономики. 1948. №5. С.79-90.
67. *Боярский А.Я.* Советское плановое хозяйство и закон больших чисел // *А.Я.Боярский.* Теоретические исследования по статистике М., 1974. С.194—208.
68. *Гуревич С.* За большевистскую теорию статистики // Плановое хозяйство. 1938. №4. С.71—84.
69. *Боярский А.Я., Цырлин Л.* Буржуазная статистика как орудие апологетики капитализма // Плановое хозяйство. 1947. №6. С.62—75.
70. *Боярский А.Я.* К вопросу о предмете статистики // Вестник статистики. 1953. №2. С.43-54.
71. *Боярский А.Я.* Математика для экономистов. М., 1957.
72. *Andreski S.* Social science as sorcery. London, 1972.
73. *Truesdell C.* The role of mathematics in science // *C.Truesdell.* Idiot's fugitive essays on science. New York a.o., 1984. P.97—132.
74. *Gumbel E.J.* *Bortkiewicz L. von.* // International encyclopedia of statistics / Ed. *W.H.Krushkal, J.M.Tanw.* New York-London, 1978. Vol.1. P.24—27.
75. *Найшитейн А.Д., Ханин Г.И.* Памяти Г.А.Фельдмана // Экономика и математические методы. 1968. Т.4. №2. С.296—299.
76. Аноним. Совещание о применении математики в экономических исследованиях и об эконометрике // Вестник статистики. 1959. №9. С.54—70.
77. *Канторович Л.В.* Эконометрический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1959.
78. *Немчинов В.С.* От редакции // *Л.В.Канторович.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1959. С.3—11.
79. *Гекрчук Я.Л., Минц Л.Е.* Научное совещание о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании // Ученые записки по статистике. 1961. Т.6. С.248—261.
80. Общие вопросы применения математики в экономике и планировании. М., 1961.
81. *Бирман И.* Научное совещание по применению математических методов в экономических исследованиях и планировании // Вестник статистики. 1960 №7 С.41-52.

82. Известия. 22 апреля 1965 г. С.4.
83. *Канторович Л.В.* О состоянии и задачах экономической пауки // Экономика и математические методы. 1990. Т.26. №1. С.5—14.
84. *Канторович Л.В.* (Выступление в прениях на Годичном собрании Академии наук) // Вестник АН СССР. 1959. Т.29. №4. С.59—61.
85. *Смит М.* Очерки истории буржуазной политической экономии. М., 1961.
86. Report on the Lysenko controversy. An anonymous pamphlet. Association of scientific workers. London, 1951.
87. *Adams M.B.* Vavilov // Dictionary of scientific biography / Ed. C. Gilispie New York, 1981 Vol. 15. P.505-513.
88. *Кременцов Н.Л.* «Американская помощь» в советской генетике 1945—1947 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. №3. С.25—41.
89. *Лысенко Т.Д.* О положении в биологической науке // О положении в биологической науке. М., 1948. С.7—40, 512—523.
90. О положении в биологической науке. М., 1948.
91. *Кедров Б.М.* Категории марксистской диалектики как методологическая основа статистической науки // Ученые записки по статистике. 1961. Т.6. С.5—38.
92. *Cook R.C.* Lysenko's marxist genetics // Journal of heredity. 1949. Vol. 40. P.169-202.
93. *Leikind M.C.* The genetics controversy a bibliographic survey // Journal of heredity. 1949. Vol.40. P.203—208.
94. *Fisher R.A.* What sort of man is Lysenko? // *R.A.Fisher.* Collected works. Adelaide. 1974. Vol.5. P.61—64.
95. *Гнеденко Б.В.* Теория вероятностей и познание реального мира // Успехи математических наук. 1950. Т.5. №1. С.3-23.
96. *Александров П.С., Ахиезер Н.И., Гнеденко Б.В., Колмогоров А.Н.* С.Н.Бернштейн Некролог // Успехи математических наук. 1969. Т.24. №3. С.211—218.
97. *Колмогоров А.Н.* Об одном новом подтверждении законов Менделя // Доклады АН СССР. 1940. Т.27. С.38-42.
98. *Эфроимсон В.П.* Лысенко и лысенковщина // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №1. С.79-93. №2. С.132-147. №3. С.96—109. №4. С.100—111.